

A-TSCHECHOW
DER
KIRSCHGARTEN

А.ЧЕХОВ
ВИШНЕВЫЙ
САД

A.ČECHOV
VIŠŇOVÝ
SAD

A.CZECHOW
SAD
WIŚNIOWY

A.CZEC
SA

CSEHOV.A
CSERESZNYÉSKERT

Пьесы А. П. Чехова идут с большим успехом не только в Советском Союзе, но и в зарубежных странах.

Рисунок Л. БРОДАТЫ

ЧЕХОВ: — Как, однако, разросся мой «Вишнёвый сад»!

К Р О К О Д И Л

№ 19 (1381) МОСКВА 10 ИЮЛЯ 1954

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXIII

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

— Хорошая комедия «Юбилей»: рассчитана на 30 минут, а идёт 66 лет!

Тяжёлым было детство Чехова. Мрачной тенью легло на его юные годы «безвременье» восьмидесятых годов.

Родственная среда учила, как торговлей наживать копейку на копейку. Гимназия учила, как делать бездушную чиновничью карьеру.

Но не пристала к Чехову эта классовая грязь, не замутила его светлый дар юмора.

Были у Чехова другие учителя. Благородная, высокоидейная, реалистическая русская литература воспитала в нём любовь к родной стране, к её лучшим людям, к её природе. Она научила презирать и ненавидеть угнетателей трудового народа, внушила веру в великое и прекрасное будущее свободной Родины.

Любимым учителем был Щедрин.

В великой школе русской передовой сатиры, в школе Пушкина, Гоголя, Некрасова, Щедрина, оформлялся благодатный талант Чехова: жизнерадостный смех, неразлучный с гневной сатирой.

Смеясь, словно забавляясь, вошёл Чехов в русскую литературу. Он вошёл через юмористическую печать того времени. Буржуазия требовала, чтобы её забавляли. Она засмеялась было, но тут же и перестала: смех Чехова не был забавой.

У торговавшего купеческим смехом издателя Лейкина было намерение сделать из Чехова потешного малого на службе у буржуазии. Он не распознал в Чехове своего врага. Повторилась старая сказка о «гадком утёнке». Не утешителя буржуазии, а злого и беспощадного её изобличителя высидели купеческие «Осколки» Лейкина.

Не к помещикам, купцам и чиновникам вышел молодой, весёлый, задорный Чехов, а к своему народу, к людям труда и передовой мысли. Да, он умел заразительно, весело смеяться, но это он, ещё не выйдя в «большую» литературу, создал сатирический образ унтера Пришибеева — образ щедринский по разоблачительной силе, художественно-реали-

ЧЕХОВ — МАСТЕР САТИРИЧЕСКОГО СМЕХА

стический и вместе с тем политически-символический.

Чехов всю свою жизнь оставался верен сатире. Антон Павлович Чехов не смеялся так звонко и весело, как Антоша Чехонте. Но хорошо знакомая, любимая чеховская улыбка, то дружески-добродушная, то гневно-саркастическая, проходит через все его произведения.

Тяжёлая жизнь отложила морщинками на умном, добром лице Чехова, но он всегда любил смех, и сатирические огоньки загораются во многих его рассказах и пьесах.

Тупого мракотеса Беликова, «человека в футляре», этого Победоносцева в миниатюре, убил весёлый, жизнерадостный смех простой, здоровой, умной женщины. Это символический конец символического рассказа, убедительного своей художественной правдивостью и идейной глубиной.

Сатирические образы Чехова не потеряли своей жизненности и в наше время. Мы встречаем унтера Пришибеева в США. Он пытается подчинить жандармскому надзору весь мир. Мы наталкиваемся у нас на «человека в футляре».

Чехов — наш учитель в советской сатире.

Галерея чеховских отрицательных типов велика и разнообразна. Сила чеховского сатирического смеха в том, что за уродствами русской жизни он видел и со всей страстью показывал подлинную жизнь, подлинный русский народ, с любовью изображал хороших, талантливых русских людей и в них видел ту силу, которая приведёт к прекрасному будущему. Читатель в рассказах Чехова ощущает великую и горячую любовь писателя к своему народу, непреклонную веру в него, хотя Чехову и неясны были пути борьбы народа.

Сатиры нет, если нет такой любви к народу и такой веры в народ. Сатира превращается в пасквиль, когда за тщательно выписанными фигурами мерзавцев художник равнодушной рукой малюет безличных, розоватый фон. Читатель не находит в такой, с позволения сказать, сатире ни любви к подлинному, живому народу, ни знания подлинной жизни.

Советский читатель с негодованием отверг подделку под сатиру в «Гостях» Зорина, в состряпанных на скорую руку рыночных изделиях Городецкого, Мариенгофа. Эти произведения не только оскорбляют советского читателя, но и предадут поруганию традиции классической русской сатиры. Не к Чехову и Щедрина, не к Горькому и Маяковскому, а к Лейкину восходит эта продукция.

Жизнь будет прекрасна, любил говорить Чехов. Он был в этом убеждён, потому что любил жизнь и чувствовал могучие живые силы в родном народе. Чехов жил в годы, когда на политическом горизонте только занималась заря пролетарской, социалистической революции. Но в предрассветных сумерках он различал и находил хороших, умных, талантливых людей, преданных своему народу, и насытил ими свои произведения.

И когда он отдельными штрихами набрасывал ещё неясные ему, ещё застланные дымкой картины будущей прекрасной жизни, ведь он фактически писал о нашем времени, о социалистической культуре, о новом человеке в новой России, во всём новом мире. И поэтому так свежи его книги, такой в них аромат поэзии, поэтому так светел его облик.

Творчество Чехова и его жизнь — это творчество и жизнь великого гуманиста. Его знают и любят далеко за рубежами нашей страны. Его благородную память чтут вместе с нами миллионы читателей во всех странах земного шара, где он представляет великую русскую литературу, великий наш народ, великие идеи мира и дружбы народов.

КТО ТАКОЙ ЧЕХОВЕЦ?

На юге Сахалина, в Корсакове, где когда-то бывал Антон Павлович Чехов, нам довелось услышать любопытный разговор.

— Я чеховец, — отрекомендовался капитан рыбодобывающего судна своему собеседнику, приезжему литератору.

— Понимаю. Вы поклонник его прозаического таланта?

— Не только прозаического.

— О да, Антон Павлович был ещё и драматургом.

— Не только драматургом.

— Ах, вы имеете в виду Чехова-врача?..

— Не только врача...

— Тогда, извините, не понимаю...

— Антон Павлович был ещё прозорливым экономистом.

— Никогда не слышал!

— А вот послушайте. — И капитан извлёк из кармана робы книжцу в клеёнчатом переплёте, полистал её и прочёл:

«Главное богатство Сахалина и его будущность, быть может, завидная и счастливая... в периодической рыбе... Нет возможности даже приблизительно определить какое количество рыбы может быть поймано каждый раз во время её хода в сахалинских реках и у побережий. Тут годилась бы всякая очень большая цифра... Итак, рыба составит богатство Сахалина...»

— Каково? — продолжал капитан. — Пророческие слова! Ведь десять процентов всей рыбы и одну треть сельди, добываемых в Советском Союзе, даёт Сахалин!

И потомственный рыбак начал с увлечением рассказывать о рыбодобывающих судах большого радиуса действия, рыбонасосных установках, выкачивающих огромные массы рыбы из сетевых мешков прямо в засольные цехи, о механизированных линиях посола сельди, консервных заводах, холодильниках, рефрижераторах и многом другом.

— Так вот почему вы называете себя чеховцем! — улыбнулся литератор.

— И вовсе не поэтому, — пожал плечами капитан.

— Тогда, извините, я снова вас не понимаю...

— Что же тут не понимать? Вот вы кто?

— То есть как кто?

— Житель какого города?

— Я ленинградец.

— Ну, а я чеховец.

— Позвольте, но для этого должен существовать город Чехов.

— Он и существует.

— Где?

— У нас, на Сахалине.

Капитан говорил сущую правду. Есть на острове такой город, и живут в нём рыбаки. Они свято чтут память великого писателя. Портрет Антона Павловича вы встретите в кубриках судов, в школах, в кабинете секретаря райкома партии, в цехах рыбокомбинатов, — словом, всюду! Недавно чеховцы с трогательной рыбацкой простотой выразили свою любовь к Антону Павловичу.

Коллективы Байковского и Яблочного рыбокомбинатов Чеховского рыбозавода послали на материк две посылки с отборной сахалинской сельдью. Одна посылка была адресована в Ялту Марии Павловне Чеховой, вторая — в Москву Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой. Вскоре из Ялты и Москвы в адрес Чеховского райкома партии были получены телеграммы:

«Дорогие товарищи!

Я получила вашу посылку с замечательной селёдкой. Глубоко тронута вашим вниманием... Мне было очень приятно получить этот подарок с далёкого Сахалина, из города, носящего имя моего брата Антона Павловича... Ваша М. Чехова».

«Глубоко взволнована и тронута вашим вниманием. Прошу передать всем мою благодарность за трогательную любовь и память к Антону Павловичу. Примите мой сердечный привет и пожелания дальнейших успехов в работе на пользу нашей прекрасной Родины. Ольга Книппер-Чехова».

Но вернёмся к нашим собеседникам.

— Ну, теперь вы понимаете, что такое чеховец? — спросил капитан.

— О, да! Это житель города Чехова!

— Опять не поняли! Чеховец — это поклонник таланта Антона Павловича — раз! Житель города, носящего его имя, — два! Отличный рыбак — три!

— Почему именно отличный? — позволил себе усомниться литератор. — Потому что он не похож на чеховских героев из «Налима». Чеховский район — один из ведущих рыбодобывающих районов острова. Если уж наш Герасим, Любим или Ефим потащат рыбку, то, будьте покойны, они её не упустят, как чеховские неудачники... Теперь вам всё ясно?

— Всё, — сказал приезжий.

Чеховец удовлетворённо пожал руку собеседнику и не спеша, покачиваясь, как и положено моряку, пошёл своей дорогой.

Л. ХЕЙФЕЦ

г. Южно-Сахалинск.

...В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

К Р И Т И К

«Это облако у Вас кричит: оно освещено не по вечернему. Передний план как-то сжеван и что-то понимаете ли, не то... А избушка у Вас подавилась чем-то и жалобно пищит... А вообще недурственно... Хвалю...»

(А. П. ЧЕХОВ «Попрыгунья»)

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ТАИНСТВЕННАЯ СПРАВКА

Работники Брестского областного загса хорошо понимают, что спиритизм и всякая мистика изжили себя, но, тем не менее, недавно они выдали справку следующего содержания:

«...Гр. Семенюк Анатолий Захарович, Областной архив ЗАГС сообщает, что актовой за-

писи о смерти на Вас за 1942 год в архиве не имеется. Обратитесь в бюро ЗАГС по месту Вашего жительства, для восстановления актовой записи, где получите свидетельство о смерти...»

Вот и пойми, о чём говорится в этой справке. Чеховский дьячок Отлукавин по этому поводу сказал бы: «...запутала ты меня, убогая!»

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Оратор

«Он может говорить когда угодно: спросонок, натошак, в мертвецки пьяном виде, в горячке. Речь его течет гладко, ровно, как вода из водопроводной трубы, и обильно».

(А. П. ЧЕХОВ «Оратор»)

Запойкин жив!
Такой же бойкий,
Как в чеховские времена,
С трибуны сыплет в зал Запойкин
Цитаты,

цифры,
имена.
Сливя оратором присяжным,
Плетёт легко доклада нить.
О чём?

Запойкину не важно,
Была б возможность говорить.
Коснётся ль речь колхозной стройки,
Подъёма зяби иль паров —
Уже заранее Запойкин
Взять слово в прениях готов.

Но часто,
закруглив тираду,
Хоть есть шпаргалка под рукой,
Там, где за здоровье бы надо,
Он ляпает

за упокой.
То он громит заявки, планы
Снабженцев,
что до сей поры
Не завезли в колхозы

краны,
Чтоб ими
поднимать пары.
То требует,

причём упрямо,
К началу полевых работ
Засыпать силосные ямы,
Чтобы туда не падал скот...

Над ним смеются.
Что ж!.. И в смехе
Он видит одобренья знак;
Ведь всё же он наметил вехи,
Дал установку,
как-никак!

* * *

Мы сами, впрочем, виноваты,
Что нам,
болтая всякий вздор,
Живучий чеховский оратор
Глаза мозолит
до сих пор!

Эпиграммы

«ПЕРЕДОВИК»

Он перед музами вовек не падал ниц,
Не лез в карман за темой и сюжетом,
Зарифмовавши пять передовиц,
Себя считал передовым поэтом!

Григорий ПЛОТКИН
Перевод с украинского.

СПОРТСМЕНЫ БЕЗ СМЕНИ

За последние годы в рядах лучших пловцов Москвы не появилось ни одного нового спортсмена. Из года в год одни и те же лица остаются чемпионами.

Не дошли ещё и «кроль» и «брасс»
До широких физкультурных масс.
Слышит уж не первый год столица
Фразу: «Ба! Знакомые всё лица!..»

Ник. СОКОЛОВ

ИСТОРИЯ СО ШЛЯПОЙ

Для того, чтобы не тратить лишнего дня на дорогу, Дмитрий Константинович Ионов ехал из Москвы в Омск не почтовым поездом, а курьерским.

— Некогда, спешу.

В Омске, зайдя к директору гостиницы «Октябрь», он сказал:

— Прибыл на целину. Выделите номерочек получше, да побыстрее. — Дмитрий Константинович протянул при этом командировочное удостоверение, которое гласило, что «Ионов Дмитрий Константинович, сотрудник Главроссовхозснаба Министерства совхозов РСФСР, направляется в Омскую область для организации новых совхозов».

Дмитрия Константиновича приняли в гостинице, как самого дорогого гостя, и устроили как нельзя лучше в номере со всеми удобствами. Но Дмитрий Константинович оглядел номер и поморщился:

— Не то.

— Вам, может быть, двойной, с фонтаном?

— Фонтан не обязательно, главное, чтобы мой номер был рядом с буфетом.

И Дмитрию Константиновичу дали то, что он просил. Дмитрий Константинович принял ванну, переделся и заглянул в буфет.

— Поест можно?

— Да, пожалуйста.

— Только мне подавайте самые лучшие блюда: я еду на целину.

Затем к лучшим блюдам он потребовал и лучшие вина. И так за едой и питьём Дмитрий Константинович провёл первый день своей командировки. Что он делал в следующие дни, никому не известно. Дмитрия Константиновича ждали в облисполкоме, но он не пришёл. Ждали в обкоме партии, но здесь он тоже не показывался.

— Да где же он?

— Где же ему быть? Наверное, давно ездит по сёлам, организует совхозы на целинных землях.

Но его не было и на целинных землях. В Омске в гостиницу то и дело навевались представители совхозов, и всё безрезультатно.

— Да где у вас тут Ионов из Главроссовхозснаба? — спрашивали они.

— А вам зачем его?

— Как зачем? Ставить стандартные домики надо, а у нас ни кирпича, ни извести.

— Вот и мы ищем Ионova, — вмешались в разговор только что подъехавшие представители из других сёл. — Прислали нам рамы для парников, а стёкол нет, и не обещают.

Работники вновь организуемых совхозов искали Ионova в Омске, а омичи полагали, что он в совхозах. А толком так никто и не знал, куда же девался Дмитрий Константинович. Правда, прешёл в городе слух, будто бы столичный гость пронёсся как-то мимолётным видением по Омскому отделению Главроссовхозснаба. Бегло-де просмотрел он список из пятидесяти заявок, пятьдесят раз сказал: «Не надейтесь, не обещаю» — и исчез, растаяв, как дым, как утренний туман. В результате все те, кому посчастливилось встретиться в Омске с Ионовым, до сих пор не уверены, был ли то призрак или живой представитель главка.

И вот прошла неделя, другая, месяц, и сибиряки так бы и не узнали, куда пропал загадочный гость из Москвы и что хорошего он сделал в Омске, если бы не его письмо, присланное на имя директора гостиницы, которое мы приводим с сохранением орфографии:

«Шлю вам самый наилучший привет из Москвы. Доехал прекрасно. Прибыв в Москву так оно и получилось. Наябедничали на меня, что я всё время пил и был беспорядочно пьян, чуть вашу гостиницу вверх дном не перевернул, буянил и прочее.

Я прошу вас напишите мне просто для оправдания письмишко о том, что дело не так обстояло, что вы никаких претензий ко мне не имеете. Выручите. Ну, пока. Жду ответа. Будете в Москве заезжайте ко мне. С приветом Ионов».

И директор гостиницы решил послать ответное письмо Дмитрию Константиновичу, но не по почте, а через журнал. Вот это письмо, адресованное Ионову:

«Что же я могу сказать в ваше оправдание? Прожили вы в гостинице около месяца, никуда не выезжая. По вечерам пьянствовали в буфете, а днём отсыпались. Не случайно вы, т. Ионов, в нетрезвом виде забрели в чужую комнату и оставили свою шляпу, а после целую неделю её искали и буянили...»

У читателей может возникнуть вопрос: нашёл ли, в конце концов, свою шляпу Дмитрий Константинович? Да, нашёл и потому остался доволен поездкой в Омск. Довольны этой поездкой и руководители главка, ибо никто из них так и не проверил, а что же полезного сделал на целинных землях их представитель. Видимо, работники Министерства совхозов РСФСР полагают: раз командировка отмечена, суточные и квартирные выплачены, — значит, всё в порядке.

Д. ШУМСКИЙ

г. Омск.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ОДИН
ИЗ НЕМНОГИХ

«Надписи вроде «секретно» и «совершенно секретно» мне не понятны».

(А. П. ЧЕХОВ «Служебные пометки»)

Рисунок художников КУКРЫНИКСЫ к рассказу «Лошадиная фамилия».

Рисунок художников КУКРЫНИКСЫ к рассказу «Хирургия».

Свою статью о Чехове Горький закончил словами, давшими оценку и писателю и многим его героям:

«Мимо всей этой скучной, серой толпы бессильных людей прошел большой, умный, ко всему внимательный человек, посмотрел он на этих скучных жителей своей родины и с грустной улыбкой, тоном мягкого, но глубокого упрека, с безнадежной тоской на лице и в груди, красивым, искренним голосом сказал:

— Скверно вы живете, господа!»

Современная Чехову критика сближала писателя с его героями. Она называла его певцом хмурых людей, певцом сумерек, ходатаем за людей, покорно несших своё бремя или поднимающих глаза к небу в надежде увидеть там те алмазы, которыми была бедна земля.

Чехов не был в русской литературе защитником скучных, серых, хмурых людей, населявших города и веся, обременявших русскую землю, живших без серьёзного труда, без творчества, без созидания. Он ненавидел всяческую мертвечину — будь она в городской квартире профессора, состоявшего при казённой науке, или в окружённой вишнёвым садом усадьбе доживавшего свой исторический срок дворянства.

Внук крепостного крестьянина, прошедший суровую школу жизни, схожую с теми университетами, что выпали на долю его друга и собрата в русской литературе, на долю Горького, Чехов «по капле выдавливал из себя раба», свершил подлинный подвиг в борьбе за свободу человеческой личности, стал Человеком с большой буквы, стал богатырём духа и мысли. Художнику Репину он недаром «казался несокрушимым силачом по складу тела и души». Репин писал о Чехове: «Враг сентиментов и выпренних увлечений, он, казалось, держал себя в мундштуке холодной иронии и с удовольствием чувствовал на себе кольцу мужества».

Ненавидя всяческую мертвечину, Чехов искренне, горячо, полной мерой любил жизнь.

Чеховская любовь к жизни — активная, целеустремлённая, действенная. В ней нет «золотой середины», нет компромиссов. Такой была любовь к жизни у Пушкина, у Некрасова, у Щедрина, у Горького. Такой была любовь к жизни у каждого великого и благородного писателя земли русской.

На русской земле есть места, что дороги и близки каждому из нас. Есть Михайловское, бывшее приютом Пушкина. Есть Карабиха, где Некрасов встречался с крестьянами — героями его поэм. Есть Ясная Поляна, ставшая для Льва Толстого огромным окном в деревенскую Россию. И есть Мелихово — деревня под Москвой, где жил и работал Чехов и где им созданы многие выдающиеся произведения, давшие их творцу всероссийскую популярность и известность за пределами России.

Ничем не примечательная местность, где в пору расцвета своего могучего таланта поселился Чехов. Есть на земле русской места богаче, красивей, роскошней Мелихова и его окрестностей. Мы не найдём здесь ни рек, разливы которых подобны морям, ни гор, ушедших своими вершинами за облака, ни лесных громад, ни долин, восхищающих глаз просторами.

Суглинки и пески, болотца, лесок, в котором крестьянин нелегко находил дерево, могущее послужить оглоблей к дровням, узкие и извилистые просёлки, небольшие, разбросанные по краям оврагов деревушки — такова была местность, избранная Чеховым для своего постоянного местожительства в 90-х годах.

«Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа...» — так определил Чехов необходимость своего переезда из столицы в деревню.

Когда Чехов пришёл в избу Прокофия Андриановича Симанова, крестьянин встретил его словами:

— Здравствуйте, барин!

Чехов ответил:

— Я не барин. Я доктор.

Три помещика — Сорохтин, Варенников, Кувшинников — владели угодьями возле Мелихова. Они не оставили никаких следов своего существования в округе, и ни один из здешних старожилов не вспоминает добрым словом духовных наследников тех крепостников, что были изображены в гоголевских «Мёртвых душах».

Жили-были. Ели-пили. Играли в карты. Плодились и размножались. Судились с мужиками из-за прогонов и выгонов, из-за потрав. С завистью и тоской вспоминали былые: Манилову и Ноздрёву, дескать, жилось лучше. Выписывали религиозно-нравственный журнал «Светоч» и газету «Биржевые ведомости». Толстого предавали анафеме и любили лирику Майкова и Фета.

Чехов пошёл не к этим лицам, гордо считавшим себя хозяевами и солью земли русской. Чехов пошёл к крестьянам. Он вошёл в деревенскую среду, сжился с её интересами. Он не был из числа тех интеллигентов, что «ходили в народ», ища в крестьян-

ском мире всё русское богатство и полагая, что деревенская община это есть святая святых. Чехов не наряжался ни в сермягу, ни в смазные сапоги, не подделывался под народный говор, не строил народу глазки и не кокетничал с ним. В Мелихове написаны реалистические деревенские повести и рассказы, среди них такое капитальное произведение, как «Мужики». В чеховских книгах дана яркая художественная летопись русской деревни в ту переходную пору, когда разорение крестьян капиталистическими хищниками достигло предела и когда буревестник первой русской революции готовился взлететь над океаном народной жизни.

Письменный стол Чехова, за которым были написаны «Мужики», «Палата № 6», «Соседи», «Бабье царство», «Чёрный монах», «Три года», «Дом с мезонином», «Чайка», «Дядя Ваня», стоял в узенькой комнате флигеля, у окна. Окно было небольшое, но из него пишущий видел не только Мелихово — всю Россию видел он.

«У Антона Павловича свет ещё горит, — говорил тот же Симанов, сапожничавший в долгие зимние вечера. — Неудобно нам раньше его кончать работу».

Нет в живых многих крестьян и крестьянок, что видели писателя в своих избах и в его доме, двери которого были раскрыты для них. Сын деревенского сапожника под старость попросился сторожем в чеховскую усадьбу. Михаил Прокофьевич Симанов помнит живого Антона Павловича, знает наизусть некоторые тексты и помогает директору музея Ю. А. Авдееву водить экскурсии по чеховским местам.

«Хорошо, если бы каждый из нас оставил после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность, бесследно». Так говорил Чехов в одном из писем. И слово его не расходилось с делом. В Мелихове и в его окрестностях мы видим дело рук этого человека. Всё, что делал Чехов, он делал прочно, красиво, талантливо. Экскурсовод показывает школы в Мелихове, в Талеже, в Новосёлках. Они были построены в конце прошлого столетия по идее и плану Чехова, они были лучшими школами в Серпуховском уезде. А вот пруды, что были выкопаны по настоянию того же Чехова. Около одного пруда в Мелихове пожарный сарай, его строил он же. Обычно возле этого сарая собиралась крестьянская сходка. И обычно сходка не открывалась без Чехова.

«Голубого забора» между чеховским домом и деревней в Мелихове не было.

Как много успел сделать этот человек за шесть лет (1892—1898) своего жительства в деревне! Он украсил землю, на которой жил, парком, садом, цветником, и экскурсанты уносят отсюда охапки сирени и жасмина. А их много, экскурсантов: не зарастала и не зарастёт народная тропа в Мелихово. В благоговейной тишине проходят люди по комнатам чеховского дома, осматривают оставшиеся здесь реликвии, изучают затейливый, но разборчивый почерк писателя, видят памятник, воздвигнутый на усадьбе два года тому назад. Они узнают, что мелиховский колхоз — лучший в Лопасненском районе, Московской области. «Иначе и быть не может, — разъясняет Симанов. — У нас здесь жил Антон Павлович Чехов, а он был во всём примерный работник — и как доктор, и как строитель школ и больниц, и как садовод, и как писатель».

Из райцентра звонят в правление колхоза, напоминают председателю о явке на заседание чеховской юбилейной комиссии.

— Что это вы, Иван Григорьевич, сегодня оделись в военную форму? Всё военное — гимнастёрка, брюки, фуражка.

Высокий, моложавый, дочерна загоревший под летним солнцем председатель колхоза смотрит на вопрошающего искрящимися задорной улыбкой глазами:

— Сегодня — двадцать второе июня. В этот день началась мировая война. Вот я и надел форму. Она и память о прошлом и предупреждение: не забывай о новых поджигателях! Еду на чеховскую комиссию, а юбилей нашего земляка, как вы знаете, нынче отмечают все люди, борющиеся за мир, все борцы с войной. Ясно?

Дорога из Мелихова в Лопасню отмечена многими приметами нового, коммунистического века в русской деревне. Любовными руками возделаны поля, пшеница появилась там, где росла только рожь, идут глубокой бороздой тракторы, проносятся автомобили, то и дело мелькают новые колхозные постройки, из пионерского лагеря доносится звук горна, рабочие чинят дорогу из Мелихова в Лопасню, гудят над дорогой телеграфные и телефонные провода, к выросшему чеховскому лесу примыкают новые лесные посадки. И кажется, что вот-вот выйдет из описанной им рожицы человек, образ которого знает вся страна, подойдёт к колхозникам, трактористам, солдатам, пионерам и скажет им:

— Правильно вы живёте, друзья!

И. РЯБОВ

Рисунок художников КУКРЫНИКСЫ к рассказу «Ионыч».

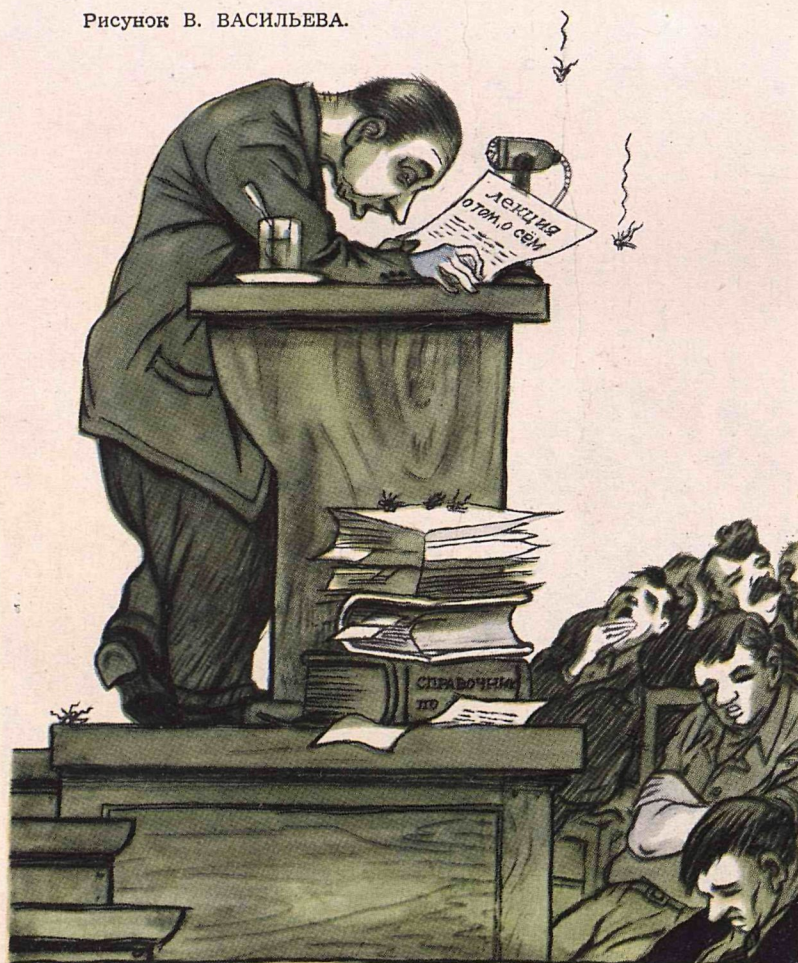

Рисунок художника С. БОЙМА к рассказу «Унтер Пришибеев».

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

«И всюду я вношу с собой тоску, холодную скуку».
(А. П. ЧЕХОВ «Иванов»)

НАТУРАЛЬНЫЙ ОБМЕН

Напрасно думают некоторые наши историки и экономисты, что натуральный обмен существовал лишь в стародавние времена. Практика управления Амурской железной дороги начисто опровергает это наивное представление. Вот, скажем, захотелось начальнику дороги Николаю Владимировичу Семёнову культурно отдохнуть. Вызывает он секретаря и спрашивает:

- Что нынче видать на театральном горизонте?
- На горизонте появился областной драматический театр, — отвечает секретарь.
- Очень приятно. Забронируйте за управлением на всё время гастролей весь первый ряд партера.
- Деньги сейчас дадите?
- Нет.
- Прикажете перечислить?
- И не подумаю.
- Тогда как же?
- А так. Товарообменом. Они нам кресла, мы им полки.
- Какие полки?
- Купированные. Артисты ведь отсюда будут уезжать? Вот они и получат право без очереди купить билеты на поезд в обмен на бесплатные места в партере.

Когда железнодорожный гонец прибыл для частных переговоров в театр, он был встречен с распростёртыми объятиями директором тов. Аннушкиным.

— Вам грех платить деньги, — сказал он. — Вам сам бог велел сидеть бесплатно.

Сделка состоялась. На всех спектаклях тов. Семёнов, его заместители с супругами и домочадцами занимали весь первый ряд партера.

И всё же есть разница между натуральным обменом прошлого и настоящего. Если в прошлом бортник обменивал жбан мёда на меру зерна, то мёд был добыт им не на торговой базе, а в лесу. Этого, к сожалению, нельзя сказать о театральных билетах тов. Аннушкина, которые, как известно, принадлежат не ему, а государству.

Что и говорить, руководящие амурские железнодорожники поставили натуральный товарообмен на новые рельсы.

С. ПУШКОВ

ЧУДЕСНЫЙ АТТЕСТАТ

СЛУЧАЙ В ЗАГСЕ

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Когда приёмщик X-го почтового отделения Ефим Захарыч Фендриков не выдержал экзамена на чин, он не нашёл ничего лучшего, как униженно взывать к жалости инспектора:

— С самого Покрова учусь, учусь, и... ничего толку! Постарел для умственности... Будьте столь милостивы, ваше высококордие, заставьте вечно бога молить...

А когда неудача постигла нашего современника, председателя промысловой артели Михаила Львовича Сапожникова, он, не в пример чеховскому персонажу, повёл себя решительно и напористо. К чему, в самом деле, просить и унижаться, если есть куда более верный способ стать «круглым пятёрочником»!

Сдав экстерном экзамен на аттестат зрелости и не удовлетворившись полученными оценками (преимущественно тройками и четвёрками), Михаил Львович для начала залил полученный аттестат чернилами. Потом обратился за подмогой к своему знакомому А. И. Новикову. А Новиков, в свою очередь, обратился к директору средней школы № 1 Октябрьской железной дороги А. Д. Фролову.

— Посудите сами, — сказал Новиков, — как же может человек с таким запачканным аттестатом поступать в высшее учебное заведение? Надо бы поменять...

И Алексей Дмитриевич отозвался с полной готовностью:

— Поменять так поменять! Только со временем у меня, как назло, туговато. Вы не обидитесь, если я попрошу, чтобы вы сами вписали в аттестат всю эту цифирь?

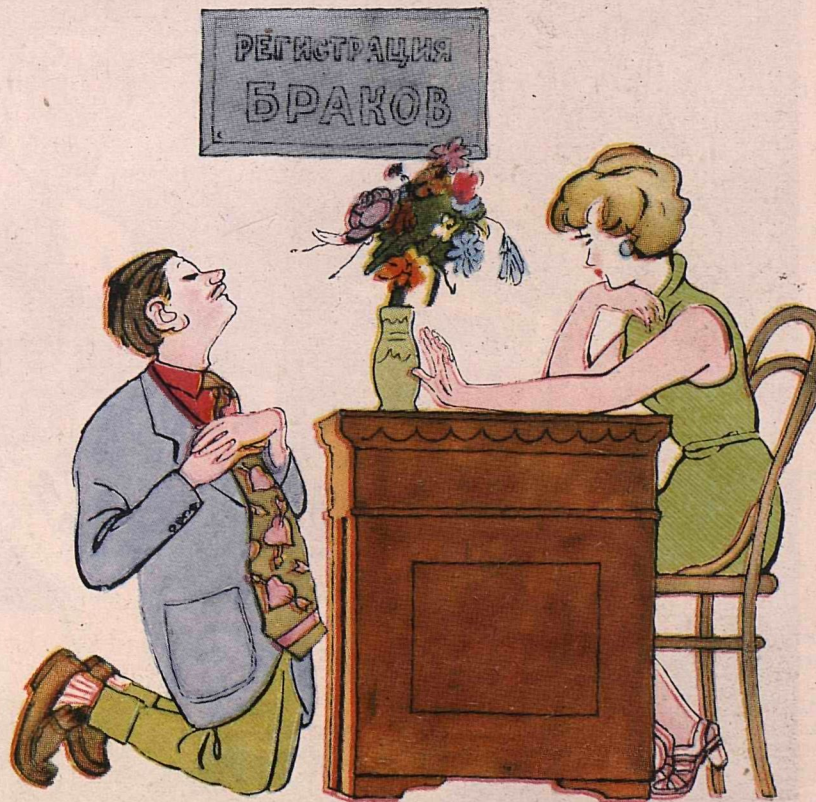
— Конечно, нет.

— Ну и чудесно! Вот вам чистый бланк, вот перо, вот чернила. Располагайтесь, пожалуйста, как дома...

И Новиков расположился. И через некоторое время его подопечный Сапожников получил чудесный аттестат — одни сплошные пятёрки! И поступил на этом основании в вуз без всяких экзаменов.

Как видите, всё очень просто. Тем более, что у директора школы № 1 Алексея Дмитриевича Фролова всегда имеются про запас незаполненные, но загодя подписанные всеми преподавателями бланки аттестатов зрелости...

С. ШЕВЕЛЕВ

«Двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня, но ни одну из них я не любил так, как вас...»

(А. П. ЧЕХОВ «Медведь»)

«— дай-ка... порцию главного мастера клеветы и злословия...»
(А. П. ЧЕХОВ «Три года»)

...Лакей понял и принёс.

НА ДНЕ КОЛОДЕЗЯ

Брошюра, увенчанная подозрительно оптимистическим заголовком «К мировому изобилию», опубликована верхушкой лейбористской партии Британии. Судя по этой брошюре, некоторые теоретики лейборизма могли бы стать неплохими иллюзионистами.

Они с видимым негодованием «отвергают» людоедскую теорию Мальтуса, а в то же время требуют сокращения рождаемости. Они, не краснея, заявляют, что американская «помощь» есть величайшее благо, и тут же мрачно предрекают: «Нас постигнут голод и эпидемии». Они громогласно призывают к «устранению нищеты», но затем лишь, «чтобы принципы западной демократии в конечном счёте пустили корни в Африке, Азии, Южной Америке и на Ближнем Востоке». Словом, они тшятся угодить одновременно и рядовым лейбористам и из ряда вон выходящим империалистам.

Говоря же словами Чехова, «общий тон книжки уныл и мрачен, как дно колодезя, в котором живут жабы и мокрицы».

Характерно, что, распространяясь о «голодном кризисе» и других бедах, якобы неминуемо подстерегающих человечество, лихие сочинители брошюры виртуозно обходят один общеизвестный факт: существующие уже сегодня производительные силы при рациональном их использовании могут обеспечить жизнь не двух с половиной миллиардов человек, населяющих ныне нашу планету, а, по подсчётам экономистов, до одиннадцати миллиардов. Но что же поделают сочинителям, если как раз этому-то рациональному использованию производительных сил и мешают такие нерациональные вещи, как «принципы западной демократии» и «блага американской помощи»!

Брошюра «К мировому изобилию», густо замешанная на гробокопательских предсказаниях, опубликована в качестве дискуссионной. Если б Антон Павлович принял участие в этой дискуссии, он наверняка просто и коротко сказал бы лондонским лейбористским главарям:

«Вашего мрачного взгляда на будущее я не разделяю».

А. ВИХРЕВ

В ОДНУ КУЧУ

На днях норвежская социал-демократическая газета «Арбейдербладет» сообщила о том, какими ускоренными темпами проводится в Норвегии помилование осуждённых нацистов. В прошлом году, например, из тюрьмы выпорхнули 385 таких молодчиков, в том числе двадцать приговорённых к пожизненному заключению. Подводя итоги этой душевспасительной и богоугодной деятельности, протокольный комитет стортинга (норвежского парламента) обнаружил, что в одиночках остались всего лишь тридцать нацистов, осуждённых на пожизненное заключение.

Что тут делать? Оставить их в тюрьме было бы, по мнению сердобольных властей, величайшей несправедливостью. Напротив, было бы логично конвейерным, так сказать, способом освободить их. И комитет решил, что «нарушать практики помилования не следует».

Говоря словами Антона Павловича Чехова, члены протокольного комитета, столь нежно пекущиеся о военных преступниках, просто не смогли «отказать себе в удовольствии втиснуть их всех в одну кучу».

Рисунок Ю. ГАНФА.

«Что-то, нарядившееся человеком».

(А. П. ЧЕХОВ «Ряженые»)

Р Я Ж Е Н Ы Е

Молодой профессор-врач читает вступительную лекцию. Он уверяет, что нет больше счастья, как служить науке. «Наука всё! — говорит он, — она жизнь!» И ему верят... Но его назвали бы ряженым, если бы слышали, что он сказал своей жене после лекции. Он сказал ей:

— Теперь я, матушка, профессор. У профессора практика вдесятеро больше, чем у обыкновенного врача. Теперь я рассчитываю на двадцать пять тысяч в год.

А. П. ЧЕХОВ

* * *

Летнее утро. По лондонскому Гайд-парку мимо детей, играющих на дорожках, прогуливается человек с книгой подмышкой. Он задумчив. Гуляющие смотрят на него с уважением. Мать говорит мальчику:

— Это профессор Арнольд Тойнби. Он учёный. Хочешь стать учёным, Джонни?

Профессор садится на скамейку, раскрывает книгу. Мимо него бегут дети, но он их не видит. Он читает. В книге доказывается, что войны неизбежны: таков уж нрав людей. Профессор шевелит губами, смакуя фразу: «Мечу,

однажды вкушившему крови, нельзя воспрепятствовать напитаться крови опять, как нельзя помешать тигру, попробовавшему человеческого мяса, после этого стать навсегда людоедом».

На обложке книги значится:
А. Тойнби. Война и цивилизация. Нью-Йорк.

Шумят деревья. Играют дети. Профессор погружён в чтение своего собственного труда.

— Не мешай учёному, Джонни! — говорит мать, уводя мальчика.

Она думает, что это учёный. А это ряженный.

* * *

В Индии, в городе Альмора, что около непало-тибетской границы, висит здание с вывеской «Туберкулёзный санаторий». В этом же пограничном районе немало госпиталей и школ. Все знают: госпитали и школы открыты американцами.

Тут, значит, оказывают помощь страждущим, просвещают неграмотных? Это храмы гуманности?

Нет, в этих храмах тоже ряженные. Сотрудники госпиталя в Тале, например, за-

няты не столько лечением окрестных жителей, сколько сбором у них шпионской информации. Администратор госпиталя в районе Сирка Сирданга может спутать, где у человека печень, а где почки. Зато он никогда не спутает, по каким дорогам идут купцы, направляющиеся в Тибет. Купцы — народ странствующий, они много видят и слышат. А сотрудники госпиталя любознательны. Они живо интересуются всем, за исключением разве медицины.

В санатории города Альмора не слышно кашля и стонов туберкулёзных. В приёмной, где, согласно вывеске, должен происходить осмотр поступающих больных, врач в халате, выложив на стол колты, допрашивает вновь прибывшего:

— Документы? Справка о лояльности? Печать? Так. Проходите в процедурную. Там вам дадут инструкции...

Общественность Индии и Непала призывает власти прогнать практикующих шпионов из пограничного района. Именно поэтому последние вынуждены прятаться за вывесками: «Госпиталь», «Санаторий», «Школа».

А если снять вывески, можно увидеть:

«Центры американского шпионажа».

Н. ИЛЬИНА

(По Чехову)

В министерстве иностранных дел некоего западноевропейского государства праздновали зную годовщину провозглашения независимости страны. Торжество было пышным, лились рекою не только шампанские вина, но и самые чувствительные речи. Сановные лица, собравшиеся в роскошном парадном зале, почтительно слушали приветствия, которыми обменивались вполне довольные собой премьер и министр иностранных дел. Журналисты и местные летописцы заносили в блокноты слова, которые должны принадлежать потомству.

— Бросая ретроспективный взгляд на пройденный исторический путь, — сказал премьеру министр иностранных дел, — нельзя не отметить плодотворных усилий и блестящих достижений вашего превосходительства, направленных на сохранение независимости нашей державы.

— Только ваше просвещённое участие сделало эти усилия столь плодотворными, — сердечно ответил премьер, тепло пожимая руку своему министру.

Когда умилённые сановники пролили слезу, услышав эти исторические слова, дверь в зал отворилась, и вошёл широкий, приземистый мужчина в маске. Лакей сопровождал его с подносом в руках. На подносе были бутылки с крепкими горячительными напитками. Мужчина подошёл вплотную к великим политическим деятелям и вырвал у них из рук листки, на которых были написаны их приветствия.

— Хватит независимости! — сказал он. — Надоело: суверенитет устарел! Поболтали — и будет!

В зале начался переполох. Первым опомнился министр иностранных дел.

— Вот, — сказал он премьеру, — плоды вашей политики полумер! Я давно гово-

рил, что вы не можете обеспечить твёрдой власти. Нужен диктатор.

— Это заговор красных! — истерически закричал кто-то.

— Также сморозил, — ответили ему. — Красные никогда не покушаются на суверенитет. Тем-то они нам и досаждают, что этот суверенитет отстаивают.

Проявляя поразительную неустрашимость и редкое самообладание в эту трудную минуту, когда отечество ждало от него решительных действий, министр иностранных дел взял всю полноту ответственности на себя. Он приказал вызвать начальника полиции.

— Вы забываетесь, милостивый государь! — крикнул побледневший министр человеку в маске. — Вы оскорбляете нацию! Вас ждёт каторга!

— Фу-ты, ну-ты, испугался я! — захохотал человек в маске. — Вот что, достопочтенные господа. Уходите вон! Я вызвал сюда знакомых мамзелей, и им может не понравиться, что здесь посторонние.

Начальник полиции не замедлил явиться. Он сам лично принёс наручники и, протянув их господину в маске, прохрипел, выпучив свои страшные глаза и шевеля усами:

— Прошу вас следовать за мной! — А ведь испугал! — проговорил мужчина в маске и снова захохотал от удовольствия. — Бывают же такие страсти! Усы, как у кота, глаза вытаращил...

— Прошу не рассуждать! Вы арестованы! — крикнул изо всей силы начальник полиции и задрожал.

В зале поднялся невообразимый шум. Начальник вызвал отряд полицейских. Из-за всеобщей сумятицы торжество прекратилось.

— Теперь что же со мной, с бедным, будет? Бедный я сирота, за что вы меня губите, господа, ха-ха! Ну, что ж? Готовы наручники? А теперь глядите!.. Раз... два... три!

И он сорвал с себя маску. Открыв своё пьяное лицо и поглядев на всех, любясь произведённым эффектом, он упал в кресло и радостно захохотал. Все министры, сановники и гости — послы других западноевропейских держав — переглянулись и побледили. Сам премьер-министр крикнул, как человек, сделавший нечаянно большую глупость. В незнакомце все узнали крупного американского деятеля, почтившего страну своим присутствием.

— Ну, что ж, господа. Теперь уйдёте? — спросил знатный американец после минутного молчания.

Министры, сановники и высокие гости, приглашённые на торжественное празднование годовщины провозглашения независимости страны, вышли на цыпочках. Американец запер за ними двери.

— Ты же ведь знал, кто это! — накинулся начальник полиции на лакея. — Отчего ты молчал?

— Не велел говорить. Инкогнито! — Инкогнито! Как засажу тебя лет на пять, будешь помнить инкогнито!

Премьер-министр, волнуясь, взывал к членам своего кабинета:

— А вы-то хороши, господа! Бунт подняли! Не могли выйти из зала на десять минут. А в эти дни в Вашингтоне наши ходатайства об ассигнованиях обсуждаются. Теперь и расхлёбывайте кашу!

— Вот к чему приводит откровенная опора на полицейскую силу, — презрительно сказал премьеру министр иностранных дел. — Я всегда сомневался в устойчивости нашего кабинета.

Министры и сановники ходили по комнатам и коридорам, унылые, потерянные,

виноватые, шепча и точно предчувствуя что-то недоброе.

— Он меня заметил. Не быть мне в новом кабинете министров, — говорил один.

— И какое ослепление на нас напало! — сокрушался другой. — Ведь по всем повадкам было видно, что это знатный американец. Ну кто другой может так себя вести на празднике независимости страны?

— А вы тоже чурбан! — сказал премьер начальнику полиции. — Что вы, газет не читаете? В каждом листке пишут, как ведут себя у нас американцы. А вы на него наручники, будто бы он член нашего парламента...

Через два часа из читальни вышел американец. Он был пьян и пошатывался. Оркестр грянул марш, но премьер замал музыкантам:

— Не играйте!.. Тсс!.. Он хочет спать!

— Может быть, вас проводить в ваши апартаменты? — спросил министр иностранных дел.

Американец сделал губами так, точно хотел сдунуть со щеки муху.

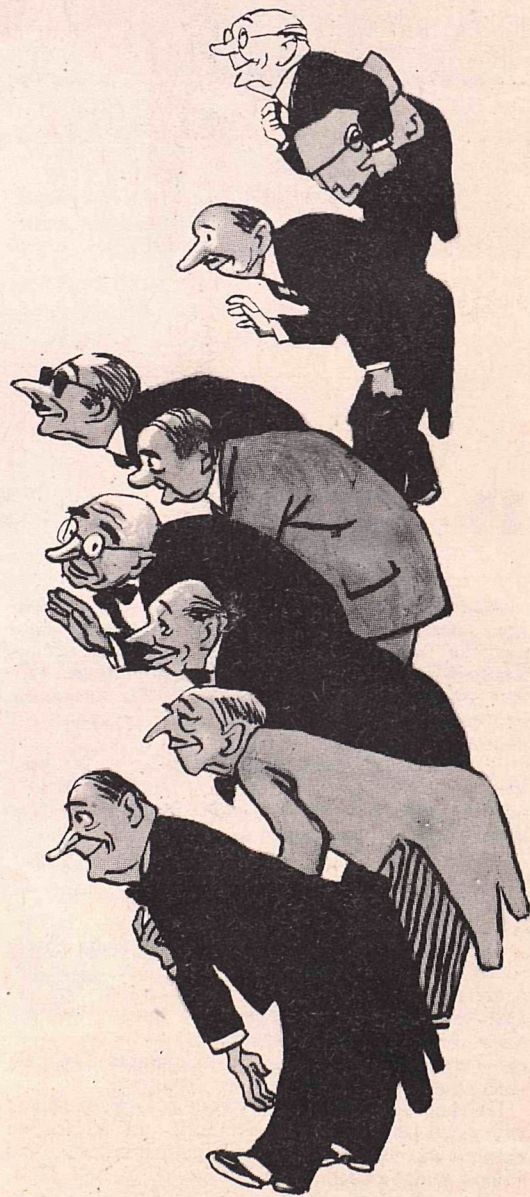
— Так и быть, — сказал он. — Проводи!

— Какой артист! Какой талант! — хором заговорили сановники. — Надо же было придумать такой милый сюрприз к нашему празднику провозглашения годовщины независимости!

— Мне руку подал на прощанье, — проговорил министр иностранных дел. — Значит, ничего, не сердится...

— Дай-то бог! — вздохнул премьер-министр. — Негодяй, подлый человек, но ведь благодетель!.. Нельзя!..

Юр. ЧАПЛЫГИН

«Шалишь... Дудки, брат. Попался? Ага!»

«— Ах!..»

(А. П. ЧЕХОВ «Налим»)

НЕЧТО СЫРОЕ.

Уже самое название папирос 2-го сорта А «Прибой» (фабрика «Дукат», Москва) намекает на что-то влажное, сырое. Мы вовсе не хотим огульно охать эти папиросы, но как часто они оказываются в точности такими же, какими были некоторые их предки во времена Чехова!

«Папиросы невозможные! — писал Антон Павлович в одном из своих писем 1886 года. — Нечто тугое, сырое, колбасообразное. Прежде чем закурить, я зажигаю лампу, сушу над ней папиросу и потом уж курю, причём лампа дымит и коптит, папироса трещит и темнеет, я обжигаю пальцы... просто хоть застрелиться впору!»

Быть может, папиросы, которые курил Антон Павлович, назывались «Прилив»? Или, возможно, «Волна»?..

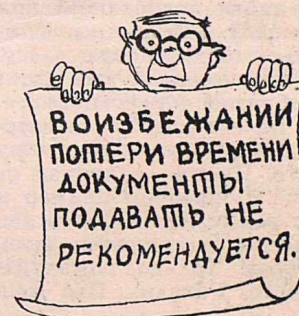
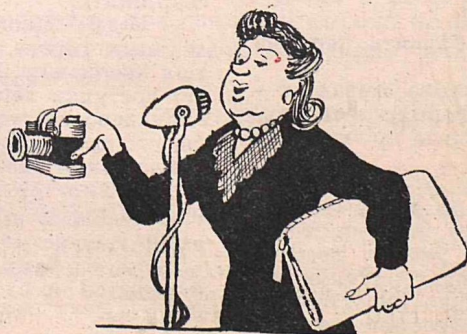
Нет, всё-таки куда лучше было бы, если бы нынешний «Прибой» сближалось с его предшественниками не скверное качество, а лишь такие внешние приметы, как название.

ПРОДЕЛКИ МОДЕЛКИНОЙ

«— Хотите денежки из редакции получить? Желаете? Ну, коли хотите, то и валяйте, что в нашей Т. такого-то числа землетрясение было...» Эти слова чеховского корреспондента Ивана Никитича приняла как программу действий спецкор ленинградской газеты «Ленинские искры» тов. Моделкина.

Не так давно эта газета, а вслед за ней и «Пионерская зорька» по радио известили всех об открытии стадиона в посёлке Тосно. Обескураженные тосненцы не поверили ни глазам, ни ушам своим: стадион ещё с осени прошлого года разрыт, и до мая к нему никто не прикасался. Никогда не работали там и школьники, несмотря на то, что их «созидательный труд» Моделкина ухитрилась запечатлеть на фотографиях.

Ох, видно, хотела она «денежки из редакции получить»!

НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР

Что такое письмо?

В ответ на этот вопрос чеховский «Новейший письмовник» даёт, как известно, образное определение: «Письмо есть один из способов обмена мыслей и чувств».

Однако для некоторых почтовых отправлений эта характеристика не подходит. Например, дирекция Краснодарского электромеханического техникума рассылает в этом году молодёжи, запрашивающей об условиях приёма, стандартное письмо с такой любезной концовкой:

«Если имеете слабые знания, то во избежание потери времени документы подавать не рекомендуется. Общежития нет».

Ну как тут не согласиться с оговоркой Антона Павловича, что порою «письма пишутся людьми бессмысленными и бесчувственными»? И, добавим ещё от себя, безграмотными...

ЧЕЛОВЕКА ЗАБЫЛИ

К чеховским дням в театре решили поставить «Вишнёвый сад».

Директор вызвал к себе молодого режиссёра Надеждина и отчётливо похлопал его по плечу.

— В Москве впервые «Вишнёвый сад» поставил сам Станиславский, — значительно сказал он. — В нашем театре это задание поручено вам. Идите по стопам Константина Сергеевича и действуйте согласно его системе!

Режиссёр рьяно взялся за работу. Вскоре были найдены «зёрна» всех взаимоотношений, застойный период благополучно подходил к концу, оставалось разобрать заключительную сцену...

По сигналу режиссёра помреж стал ожесточённо вертеть ключ в замочной скважине. Артист Лазурский, игравший Фирса, догадавшись, что это запирают все двери усадьбы, в которой он покинут, вяло прошептал:

— Заперто. Уехали... Про меня забыли...

— Стоп, стоп! — поморщился Надеждин, захлопав в ладоши. — Это куда не годится! Поймите, Викентий Кондратьевич, ведь это не просто фраза, которую можно произнести как угодно. Этими словами Антон Павлович как бы резюмирует своё произведение. Понятно?

— Понятно! — сказал Лазурский. — Так бы и сказали, что режиссирует. — И, став в позу оратора, он пробасил: — Заперто. Уехали... Про меня забыли...

Режиссёр даже зажал уши.

— Давайте попробуем разобраться в чувствах Фирса, — мученически произнёс он. — Фирс говорит, казалось бы, простые слова: «Про меня забыли», — а прислушайтесь! В них звучит огромная человеческая драма. Человека забыли! Понимаете, живого человека! Здесь и внутренняя горечь, и затаённая боль, и скрытое негодование...

Режиссёр взглянул на Лазурского. Тот безразлично ковырял в зубах спичкой.

— Хорошо, — сказал Надеждин, — для вскрытия подтекста попробуем найти подходящий пример из нашей жизни. — Режиссёр задумался. — Допустим, вам стало известно, что наш театр собирается ставить новую пьесу. Вы являетесь за ролью, а вам говорят, что все роли уже распределены. Что вы скажете?

— Безобразие! Хулиганство! — рявкнул Лазурский и хватил кулаком по столу так, что затрещали доски.

Надеждин схватился за голову.

— Не то! Не то! — закричал он. — Это негодование уж слишком явное. Попробуем пример не такой сильный... Представьте себе, что вы хотите войти в автобус, а кондуктор перед самым вашим носом захлопывает автоматическую дверь... Ну-ка! Войдите в образ! Только, пожалуйста, оперируйте словами Чехова.

— Заперто. Уехали... Про меня забыли... — взвизгнул Лазурский.

На лице режиссёра изобразилось отчаяние. Все последующие примеры из жизни, к которым он пытался прибегнуть для вскрытия подтекста, вызвали у Лазурского более или менее точные проявления гнева, затаённой боли и горечи в разрозненном виде. Объединить всё это в сложную гамму человеческих чувств не удавалось.

— Вы бы попробовали по старинке, с голоса, — посоветовал старый актёр, видя, как мучается Надеждин. — С голоса он скорее возьмёт. Ей богу!

Надеждина даже передёрнуло.

— Мы не в прежней театральной провинции! — отрезал он. — Мне государство стипендию платило не за то, чтобы я пьесы с голоса ставил!

Однако дело зашло в тупик, и пришлось объявить перерыв.

Этим воспользовался завлит.

— Товарищи! Прошу не расходиться, — торопливо сказал он. — Члены репертуарного совета обещали проинформировать коллектив о прочитанных ими новых пьесах, которые прислал нам отдел распространения из Москвы.

Все расселись вокруг стола.

— Разрешите мне, — поднялся с места актёр на ролях положительных героев. — В пьесе, которую поручили мне прочесть, действуют два положительных героя: молодые учёные Евгений Титов и его друг Даниил Савин. Даниил написал научную работу, а Евгений считает её талантливой. Однако директор института против этой работы, так как она опровергает его собственную, устаревшую теорию. Тут начинается конфликт. По-

ложительный Евгений из страха испортить свою служебную карьеру становится на сторону отрицательного профессора, предав идеи положительного Даниила и превратившись таким образом из положительного образа в отрицательный...

— Э, батенька! — вмешался пожилой резонёр. — Это я читал! Там дело касается псевдонаучной диссертации некоего Петра Петровича. Только он не директор института, а старший консультант министерства. Его бывший товарищ по университету, ныне директор ветеринарного института, тоже Даниил, выбираваясь из отрицательных персонажей в положительные, пишет об отрицательной диссертации своего однокашника разгромный доклад. Но потом из страха испортить свою служебную карьеру отказывается от своего доклада и становится ещё более отрицательным, чем был вначале.

— Любопытно, — вздохнула молодая героиня. — В пьесе, которую я читала, тоже люди из страха повредить себе отказываются от своих убеждений. Только действие происходит не в ветеринарном институте, а на филологическом факультете. Положительный герой терпит бедствия. Его изгоняют из университета, исключают из партии, и только вмешательство высшей инстанции спасает его...

— Весьма странно... — мрачно вставил трагик. — В пьесе, дошедшей мне, среда вроде бы совсем другая, а ситуация и поступки те же. И здесь тоже положительный герой, восставший против зла, терпит бедствия. Его снимают с работы, исключают из партии, и если бы не вмешательство высшей инстанции...

— А герой — тоже учёный? — поинтересовалась молодая героиня.

— Нет, он редактор областной газеты. И страдает он потому, что разоблачил очковтирателей одного района, которые рапортовали о проведении хлебозаготовок дутыми цифрами. Секретарь обкома взял очковтирателей под защиту, и...

— Постойте! — взмолилась характерная актриса. — Это я уже играла в прошлом сезоне в Смоленске! Жулик и проходимец посылает липовые рапорты о хлебозаготовках. Его берёт под защиту «ответственный районный работник», но очковтирателя разоблачают, и ему не помогают даже камни в печени...

— Точно! — вмешался в разговор комик. — Точно такая ситуация в пьесе, которую я читал! Только тематика не колхозная, а производственная. Завод из месяца в месяц рапортует о невыполнении плана. А выясняется, что всё это «липа». Директор доверился технологам, а технологи, жулик и проходимец, применяют заниженные нормы и обманывают всех и вся...

— Это что же получается? — воскликнул молчаливый до того Лазурский. — Выходит, что людей можно из одной пьесы в другую переставлять и ничего не изменится?

Режиссёр строго посмотрел на завлиту.

— Можёт быть, нам прислали разные варианты одной — двух пьес? А вы не разобрались и рассовали их членам репертуарного совета?

— Да нет же, все пьесы разные! — Завлит собрал со стола экземпляры. — Сами посмотрите. Вот! «Дорога успеха» Щеглова, «Сам себе враг» Муратова и Аваха, «Найденный ключ» Ольшанского и Рудневой, «Редактор Волков» Вирты, «Верное средство» Глекова. Все пьесы этого года. И все чуть ли не в одно время прошли через редакторский отдел Управления драматических театров.

— Любопытно! — хихикнул комик. — Авторы разные, даже в разных городах живут, а ухитрились одних и тех же героев сварганить.

— М-да! — многозначительно заметил актёр на ролях положительных героев. — Стало быть, авторы разные! И вроде названия непохожие! И сюжеты как будто с некоторыми вариациями! Но поступки героев... но мысли... Да разве разные люди могут одинаково поступать и думать? Нет-с, не могут! Вот и получается, что драматурги, садясь за пьесы, заботились лишь о так называемых «сюжетных ходах» и «острых ситуациях», а...

— Что «а»? — спросил режиссёр.

— Человека забыли! Живого человека! — с тоской произнёс актёр Лазурский...

И были в этих словах и внутренняя горечь, и затаённая боль, и скрытое негодование в полной гамме, которая требовалась от Фирса...

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Дорогой Крокодил!

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Никак я не предполагал, что когда-нибудь сам на полном серьёзе буду повторять слова коллежского регистратора Жигалова из рассказа А. П. Чехова «Свадьба».

Дело в том, что отдел полиграфической промышленности Воронежского управления культуры выделил нашей районной типографии электростанцию. Надо ли тебе говорить, как мы этому обрадовались! Но радость оказалась недолгой: пользоваться станцией нельзя было. Нам дали станцию без бензобака и трубок, без электроизмерительных приборов и редуктора. Нет даже рамы станины для монтажа двигателя.

Начальник отдела полиграфической промышленности областного управления тов. Петровский успокоил нас и посоветовал... изготовить недостающие детали электростанции на месте.

Мы бы и рады выполнить этот совет, да у нас для этого нет ни средств, ни специальных мастерских. Поэтому вынуждены повторить в адрес областного управления культуры слова Жигалова:

«Уж если ты даешь освещение, то ты давай не уголек, а что-нибудь существенное...»

Г. СТРУКОВ,
редактор районной газеты
«Знамя Ленина».

с. Нижняя Ведуга,
Воронежской области.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Вот уже несколько месяцев наш колхозный грузовик стоит без движения. Гарантийный срок ещё не прошёл, а радиатор и вентилятор уже вышли из строя.

Написали мы об этом на Горьковский автозавод. И начальник ОТК завода тов. Кишкин незамедлительно ответил:

«Поможем вашему горю. Вышлем детали через Белорусскую республиканскую контору «Главмашбыта». Ждите!»

А следом подоспело письмо от работника автозавода тов. Махова: «Отгрузили 1 февраля. Получайте!»

И вскоре заместитель управляющего Белорусской республиканской конторой «Главмашбыта» тов. Стычинский распорядился:

«Выдать необходимые детали».

Прошло совсем немного времени, и мы получили... новую весточку от тов. Стычинского:

«Радиатор послан 20 февраля, 8 марта отгружен вентилятор».

Не успели мы дочитать письмо до конца, как получили телеграмму. Тов. Кишкин заверял нас, что детали отправлены 22 марта.

Как ты сам догадываешься, дорогой Крокодил, ни радиатор, ни вентилятор нам так и не были посланы. Зато тов. Махов поразовал нас очередным посланием:

«Погрузили 8 апреля. Принимайте!»

Но и после этого наша машина не двинулась с места.

Товарищ Крокодил, постарайся выяснить: кто ещё имеет право написать клиенту об отправке груза? И сообщи, пожалуйста, нам количество возможных вариантов.

ДУДАРЕВ,

председатель колхоза «Белорус».

ШУПИКОВ,

счетовод.

Очесо-Руднянский сельсовет.

Добрушского района,

Гомельской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Ты, конечно, помнишь рассказ А. П. Чехова о жалобной книге, которая лежала в специальной конторке на железнодорожной станции. В ней пассажиры оставляли всякие праздные записи, вроде: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа».

Мне же попала другая жалобная книга. Она покоилась в чайной села Иртышского под охраной строгой буфетчицы. Не так-то легко было получить её на руки, потому что, как записано в этой книге, «буфетчица... огрызается с клиентами, которые требуют у неё книгу жалоб».

Далее следуют такие небезинтересные записи:

«Мы, приехавшие в совхоз на поднятие целины, посещаем чайную ежедневно. Здесь готовят очень плохо. Лица, обслуживающие клиентов, относятся к ним очень грубо».

«Официанты ходят в засаленных халатах».

«Меню однообразное».

«Когда же ваши повара научатся готовить пищу?»

А один посетитель, видимо, не выдержал и написал:

«Кто пишет, то всё напрасно!»

И не без основания. Потому что во всей книге только два ответа заведующего чайной В. Мусина. В первый раз он отчитал жалобщика: «Жалобу следует излагать конкретно и без цензуричины».

Правда, в следующий раз он самокритично отметил:

«Отрицательные недостатки, имеющиеся в чайной, не отрицаю».

Однако от этого ничего не изменилось.

Дорогой Крокодил! Познакомившись с этой жалобной книгой, я посылаю её тебе. Не можешь ли ты помочь нам, чтобы мы писали в неё не напрасно и все «отрицательные недостатки», которые «не отрицает» заведующий чайной, были бы наконец устранены?

Б. ФИЛИППОВ

Павлодарская область,
Казахской ССР.

СЕЛЬХОЗНЕВЕЖДА

Рисунок Л. ГЕНЧА.

«Собственноручно вскопал на огороде две грядки и посеял на них манную крупу... Весенний прилёт птиц уже начался: вчера видел воробьёв. Привет вам, пернатые дети юга!»

(А. П. ЧЕХОВ «Отрывок»)

ПОПРАВКА

В № 17 Крокодила за 1954 год в предисловии к басням Х. Радевского неправильно указана дата освобождения Болгарии от фашистской диктатуры. Следует читать: 9 сентября 1944 года.

На сотрудников, допустивших ошибку, наложены строгие взыскания.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 526.

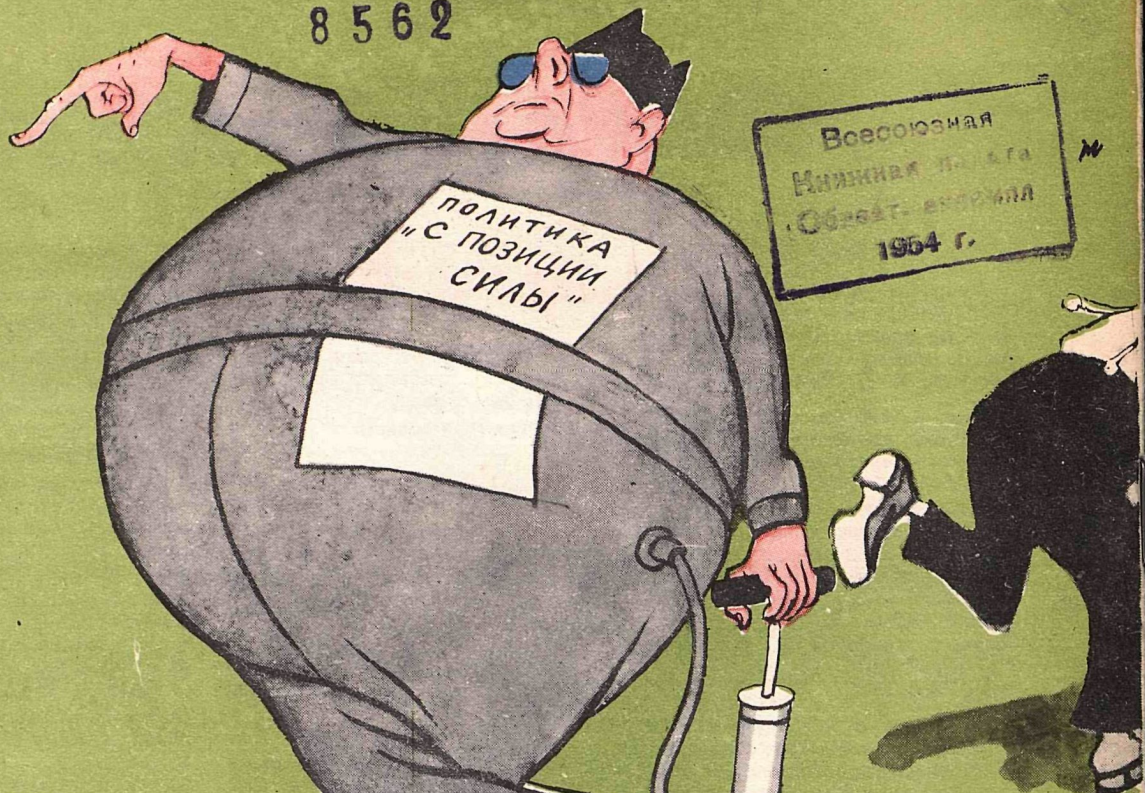
Подписано к печати 1/VII 1954 г.

Формат бум. 70 × 108½.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 05072. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2096. Тираж 400 000 экз.

40
16 ИЮЛ 1954

«В Америке и Европе на каждом шагу вы встретите все виды нервных страданий, начиная с простой невралгии и кончая тяжелым психозом».

(А. П. ЧЕХОВ «Случай mania grandiosa»)

